

А.Коста

ВЫСОКИЕ СТЕНЫ ТЯЖЕЛЫЕ ГРУЗОВИКИ

Алекс Коста

**Высокие стены.
Тяжелые Грузовики**

«ЛитРес: Черновики»

2020

Коста А.

Высокие стены. Тяжелые Грузовики / А. Коста — «ЛитРес: Черновики», 2020

Хлябь Земли — они называли то, что покрыло планету после большой войны. И единственный способ перемещения, отчаянный, почти смертельный — тяжелые грузовики, с трудом прокладывающие путь от бункера к бункеру. Другая часть выживших спаслась в высотных домах прошлого, островках из стали и бетона, которые выдерживали натиск Потока. Но Поток не остановить. И они отправляются на поиск того, чего уже не может быть: прежней жизни. Кто из них останется, и что будет с Землей!?

© Коста А., 2020

© ЛитРес: Черновики, 2020

Содержание

Часть 1. Тяжелые Грузовики	5
Глава 1. Гув Мердок	6
Глава 2. Юрик Ласкью	11
Глава 3. Мак Нагорски	17
Глава 4. Шесть-Ноль	20
Глава 5. Раски-летала	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Часть 1. Тяжелые Грузовики

Землю засыпало снегом и пеплом. И только тяжелые грузовики могли прорваться от бункера к бункеру, чтобы перевезти продукты и остальное, что было необходимо остаткам выживших.

Эти эритроциты в остатках крови человеческой цивилизации, отчаянные водилы, с трудом прокладывали себе артерии, быстрее остальных, сходя с ума.

Но, такова была жизнь водителей тяжелых грузовиков.

Глава 1. Гув Мердок

Юрик Ласкью и Гув Мердок были лучшими. Раски старался попасть с ними в один рейс. У них были самые тяжелые грузовики. За годы, обросшие железными доспехами, как черепахи, панцирем.

Когда они вылезали из кабин, раздавался скрежет и «чак-чак», особая музыка, с которой от корпуса отваливались ледяные куски грязи.

Раски любил выходить, когда водилы заезжали в ангар. И часто ходил там, где ставили грузовики Гув и Юрик. Сам не зная, почему, скрежет и это «чак-чак», так сильно привлекали его, Раски. Того, кто по естественным причинам, никогда не станет водилой.

А может, ему просто нравилось, как Юрик и Гув обменивались парой слов о том, что сегодня было. И как так получилось, что чертова хлябь не унесла их, они добрались, прорвали, прогрызли свой путь – каждый своим тяжелым грузовиком, скребя взбесившуюся голову их матери-Земли.

А может потому, что Раски ждал. Вдруг, Юрик или Гув, хотя, Гув вряд ли, он всегда был угрюмым. Так, может Юрик, заметит и скажет ему пару слов. Ничего особенного, типа: Как там наверху, Раски? Что видно, летала?

Но, такого пока не случилось. Не до этого было водилам самых тяжелых грузовиков. Лучшим из тех, которых Раски видел от Один-Ноль до их, бункера Семь-Ноль.

Не до того им, чтобы болтать с каким-то леталой. – успокаивал себя Раски.

Юрик и Гув брались за то, на что остальные вообще бы не согласились. Проехать от края Южной Гряды до Сучьего Ущелья, чтобы забрать посылку с лекарством для какой-нибудь малышки, которой, все равно, суждено умереть? Почти самоубийство.

Но вот, их грузовики пытели, окутывали весь ангар Семь-Ноль дымом и паром, пока старый Аботт поливал маслом под капотом, да так, чтобы смазки хватило и на обратную дорогу. Мало ли, какие масленщики попадутся в далеком Три-Ноль? Сколько штуцеров и прокладок они заметят? Довольно ли масла, получают грузовики Юрика и Гува?! Аботт следил за такими вещами, он был старым проверенным масленщиком, не каким-то забулдыгой.

Мало, кто верил. А может, кроме Раски и старого Аботта и никто. Но, Юрик и Гув действительно возвращались. И не только возвращались, но и проделывали эту тупую хрень не просто так. Лекарство было доставлено, а малышка – вылечена. На время, очень короткое. Но, пусть так.

За это все любили Юрика и Гува. Гува, меньше. Он был странным, кажется злым, не считая тех моментов, когда разговаривал с Юриком, сразу после тяжелого рейса. Тогда он мог и пошутить чуток, типа: Ну? Уж намотал ось на Землю, а Юрик?

Старая шутка водил тяжелых грузовиков.

***

Но, в один день, все изменилось. Раски не забудет этого никогда, но никому рассказывать не будет. Да и никто не захочет услышать.

Тут нельзя сказать, что с самого утра все пошло не так. Вообще-то, каждое утро все шло не так. Кто-то из водил сходил с ума. Как обычно, не сразу, после рейса, а после ночи, следующей за рейсом.

Раски научился определять таких. Обычно, кто самый спокойный выйдет и пойдет из ангара в бункер, а потом всю ночь будет орать «отпусти меня, отпусти, чертова хлябь, дай проехать тупая сука» и молотить в стены. Тот, следующим утром попытается поджечь свой грузовик, в тот момент, когда старый Аботт или кто другой из масленщиков, будет поливать двигатель маслом. А может, развернувшись, попытается врезаться в стену.

Такое случалось. Часто. И такова жизнь водителей тяжелых грузовиков.

***

Но, только не с самыми лучшими водилами! – думал Раски. – С ними, такого произойти не может.

Обычно, внизу, во время рейса, который он вел, Раски видел полосу, длинную и ершистую, разрывающую хлябь Земли. Это тяжелые грузовики ехали друг за другом, по три-четыре в связке. Способ, проверенный годами. Тридцать два колеса лучше, чем шестнадцать. А восемь осей, куда лучше, чем четыре. Как гласил клич водителей тяжелых грузовиков: тяжелое – это надежно.

А что, может быть тяжелее, чем один тяжелый грузовик!? Только два и три, а лучше четыре, едущие в ряд, друг за другом. Ось к оси.

Но, в это утро Раски не увидел полосу. Или даже елочку, как когда в рейсе были неопытные водилы или просто много грузовиков с потаскушками, которые хлябь бросала туда-сюда.

Сегодня он видел то, чего еще никогда не видел. Одну черточку посередине впереди и несколько, отходящих от нее, в стороны, сзади.

И он знал и понимал, хоть и не хотел в этом признаваться: этой первой черточкой был тяжелый грузовик Гува. И, конечно, сам Гув Мердок, вместе с ним.

И Гув ехал, не боясь заносов. Он ехал, не боясь, что от такой нагрузки двигатель сдохнет быстрее, чем он доедет до ангара другого бункера. Он и возвращаться не собирался!

Вот, что понял Раски, увидев жуткую непривычную, ни полосу, ни елочку, а лестницу – внизу.

Это поняли и водилы и преследовали Гува. Но, они не могли не жалеть своих двигателей. А главное, себя. Они должны были, просто обязаны, вернуться обратно, не погибнуть в хляби, которая затыкала горло, уши и нос. Душила, стоило только остановиться.

Раски смотрел и ждал, вдруг лестница соберется в елочку или лучше – в единую полосу, и на хляби Земли образуется одна глубокая линия, привычная ему, когда в рейсе лучшие водилы, особенно такие, как Гув Мердок и Юрий Ласкью.

Но, у Гува, похоже были другие планы.

Почему, Гув?

Раски услышал Юрика и увидел, как от «лестницы» отделилась одна «иголка», самая большая, это был грузовик Юрика Ласкью.

Гув не ответил. Раски слышал только «кх-рр-хх». Но, это его, как раз, не удивляло. Он и не ждал ответа. Самый хмурый водитель, самого тяжелого грузовика, даже когда шутил со своим другом, после рейса, оставался немногословным. А тут, когда он сошел с ума, какие еще он мог сказать слова!?

По-че-му, Г-у-ув! За-че-е-ем!? – кажется, кричал Юрий, а все остальные водилы молчали. Они знали, чем все это закончится. Они видели это много раз. Тот, кто уезжал, так сильно давя на газ, как будто хляби под его четыремя осями нет и никогда не было... тот далеко не уезжал... И никогда не возвращался.

***

Нет, Юрий Ласкью не кричал «по-че-му». Он был водителем тяжелого грузовика, одним из лучших.

Кричал Раски. Про себя. Он же был леталой, всего лишь, наводчиком с фонариком, которым управлял даже не он, а старый Хью. Важное дело. Но, что с того!? В том мире, который им достался, все дела были важными, потому что означали: жизнь или смерть.

Юрик не кричал. Даже через хлябь, он видел то же, что и остальные. Как тяжелый грузовик Гува Мердока рвал метровый слой льда, пыли и космического песка, этой жуткой тошнотворной массы, которой нескончаемо покрывалась Земля и, которая сгубила сотни тяжелых грузовиков. Может, не таких, как у Гува, но зато, более осторожных, едущих друг за другом, в

натяг, стараясь лишний раз не отбрасывать эту смертельно-гнетущую массу в стороны, чтобы она не отомстила, не заблокировала движение.

Ехать так, чтобы прорезать эту чертову хлябь, «подарок» большой войны прошлого, но не будоражить ее. Вот, что умели водилы тяжелых грузовиков. И в этом им не было равных. А лучший из них, Гув Мердок, знал о том, как ехать, конечно же, лучше остальных.

Поэтому, когда Юрик видел, как его друг и напарник жарит так, что по сторонам, хлябь разлетается, ему не нужно было спрашивать, ни зачем, ни почему.

Он уже все понял. Он гнал свой грузовик, почти так же, как Гув, может чуть осторожней, только потому, что когда сходит с ума твой лучший друг, с которым ты проехал в рейсе, ось к оси, много часов и еще больше ужасов – то хочется сделать хоть что-то. И кажется: только так можно помочь, даже если помочь нельзя.

***

Юрик гнал тягач, совсем не для того, чтобы спросить, зачем или почему. Он просто хотел проводить своего друга, сказать «прощай». Сказать: Ты был лучшим водилой, друг! Самым лучшим!

Как он бы сказал любому другому. Вообще-то, водилы не делили, кто лучше, а кто хуже. На это не было времени и сил. И не тот это был мир, и не то занятие. Они делили только горечь и боль. То, что люди всегда продолжают делить. Даже, когда все остальное уходит.

Поэтому, остальные водилы в этом рейсе, шесть или семь тягачей, Раски толком не видел, гнали за Юриком, который гнал за Гувом. С той же целью: попрощаться.

Они были не так быстры, как Юрик. Их грузовики не были такими тяжелыми, а они сами не были такими умелыми, но все-таки, эти черточки, прорезаемые через хлябь, эти побегги последней мужской дружбы, которая стоит всех других мужских дружб, которые только и существовали на Земле, все еще двигались вперед, в отчаянной и бесполезной попытке догнать того, кого уже нельзя было догнать.

И последний масленщик-забуддыга знал: нельзя догнать того, кто отчаялся. Он будет жать на газ, пока хлябь не догонит его, не задушит, не проглотит...

И так случилось с Гувом Мердоком, одним из лучших водил тяжелых грузовиков.

***

– Он цистерну прикрепил, ага... на, попей! Чего ты, небось страшное там? Ага...

Аботт протянул Раски что-то, флягу кажется, он взял наугад. Перед глазами была серо-черная круговерть. То, что он видел сверху, сразу после странной лестницы, хотя страннее ему уже казалось, быть не может. Сильный занос грузовика Гува, самый сильный, который Раски когда-либо видел. Так, что потаскушка, которая оказалась цистерной, полетела кубарем вперед кабины.

И потом, вспышка и взрыв. Такой, что на какое-то время, Раски не знал какое, с поверхности раскидало всю хлябь. Счистило всю дрянь, толщиной в метр, а может и больше, ведь Гув двигался к Перевалу Седых Коней, а значит...

– А что? – он посмотрел, но не увидел Аботта. – А что там было, под хлябью? Я не увидел.

– Попей еще малыш. Я-то масленщик, знаю толк в смазке. Надо-то.

Раски, еще плохо понимая, что вокруг сейчас, подумал, что у него в руках масленка, большая медная посуда с длинным носом и торчащим штоком.

– Э... масло!?! – не стал пить он.

– Да ты че, пацан! Чистая жидкость. Какое масло. Пей давай! Ну, глотай!

Раски взглянул получше и узнал любимую флягу Аботта. Отпил, но ничего не почувствовал.

– Слушай, а что там с цистерной? – выкашлял он лишнее.

– Э, ты знаешь. Такая цистерна там, в углу ангара. Ну, мож-т видел, как... давно там, с незапамятных времен. Ага... уж сил не было ее проверить. Мы же как... ты, наверное,

думаешь, что масленщики только масло под капот наливают. Ага... Не-а... мы тут все это дело в порядке держим. Ворота, ставни, потом эти-т... эх, черт, старый я стал. Эти... всякие сошки и пешки, да хрен, как они там...

– А про цистерну, Аб?

– Ага... ну да. – тот потер лоб, оставив пару темных полосок.

Уж не понятно, почему, но у масленщиков руки всегда были, как будто, маслом пропитаны.

– Да, цистерна. На нее Мердок давно засматривался. Уж не знаю, почему. Цистерна, как цистерна. Закрытая, старая, никому ненужная, все чин по чину. Она бы так сто лет еще стояла! Кому она? Но, как-то он пришел и говорит: Аб, ну накачай! – и показывает на колеса. Ну а я: А чего их качать, я и так их проверяю. А он такой: Делай-давай. Рейс сложный. Как потаскушку возьму. Накачай, Аб. – и такой сморит.

Да-х... мне его взгляд тогда сразу не понравился. Сразу почувствовал я что-то. И сказал себе: Эй, Аб! Дело не в масле. Этот малый походу сбрендил-того. Иначе, с чего ему так вот, Гуву Мердоку, на тебя старого масленщика смотреть!?

Но, конечно, так-то не сказал. Накачал, да и все. И мне чего? Потаскушка, так потаскушка. Тяжелый рейс, так тяжелый. А какой он, не тяжелый, ты скажешь!? Они все тяжелые. Потому, что последние. Вот!

– И? Что?

Раски почувствовал, что фляга помогла, немного отошел. Не мог только забыть, и... никогда не сможет.

«Ну и ладно. Это даже хорошо». – подумал он. Вот, только он не знал, видели ли это водилы. Он хотел, чтобы это увидел Юрик. Ему казалось, это – то, ради чего погиб Гув Мердок, взорвал свой грузовик, самый лучший в ангаре бункера Семь-Ноль, а может и вообще, лучший.

Чтобы кто-то увидел. Так, неужели, видел только он!? Совсем невыдающийся, еще и года не прошло, после того, как он смог совмещать точку на экране с картами Хью, летала Раски.

Но, вот он увидел, хоть на мгновение: какой когда-то была Земля. Красивой! Ладно, что там красивой. Не то. Настоящей!? И тоже не то! Не то... Такой, чтобы... когда на ней не было дряни. Этой дряни, вот уже, столько лет, падающей и впивающийся, колышущейся дурной массой, в которой они родились и, в которой, умрут. Которую они называли хлябь.

Хлябь, хлябь, хлябь... и не это ли должны делать водилы тяжелых грузовиков. Рассекать, кромсать, преодолевать хлябь. И не это ли сделал Гув Мердок, самый лучший из водил тяжелых грузовиков, в тот день... точнее, во время своего последнего рейса.

– Горючее? – спросил Раски.

– Да, не... как-мо там! Кто бы оставил цистерну с горючим вот так, со спущенными шинами.

– А что?

– Масло?

– У... я тебя! Стрекоза! Какое... твою-тмо дивизию! За масло... я бы даже... ух! Даже Гува Мердока вот этой самой... Да, ну его! И, кто теперь будет... эх, да ну ладно.

Абонт ушел. Раски остался сидеть, пока еще не понимая, в какой он части ангара. Где-то в углу масленщиков, но где? Его мысли шевелились сильнее от новых глотков из фляги. И он представлял, что на время, раздвинувшаяся масса из пепла и льда, уродливая перхоть Земли, раздвигается дальше и больше. Так, что Земля становится чистой и очень красивой. Такой, как он видел ее на картинках. И он летит над ней. Он летит и видит Землю. Землю, а не хлябь. Что за чудо!?

Может, ради этого Гув так сделал? Чтобы показать!? Но, кому? Ему!? Раски? С чего бы! Он даже ему пару слов не говорил, так только смотрел «иди, делай свой работу» перед рейсом или «ну, пшел» – после.

Водилы не увидели того, что хотел показать им Гув, если только он этого хотел. Ближе всех остановился Юрик. Но, он был слишком близко к вспышке, что увидел только вспышку. И остальные тоже.

А может, Гув Мердок не рассчитал? Может, он хотел показать другим водителям, для чего они ездят туда-сюда, подвергая себя такой опасности. Каждый день, сходя с ума. Хотел, но не показал. И все потому, что не просто не догадался, не прикинул, что потаскушка, эта цистерна, столько лет стоящая в дальнем углу ангара их Семь-Ноль, так взорвется?

И вот, показал только ему, Раски. Летала Раски... бойкий, смысленый, но слишком хлипкий от рождения, чтобы когда-нибудь стать водилой.

Так зачем он ему это показал?

Раски не заметил, как от этих мыслей, усталости и фляги, он заснул.

А за стенкой, гремели водилы. В них, каждом, было уже не одна, не две, а по меньшей мере, по три фляги. В ту самую ночь, когда они провожали своего лучшего напарника, Гува Мердока.

Они были тяжелы от выпивки. И их это вполне устраивало. Тяжелое – это надежно. – говорили они, и не собирались пока оказываться от своего первого клича.

Глава 2. Юрик Ласкью

Он бы давно сошел с ума сам. Но, когда-то, обещал этого не делать. Обещал себе, а главное – ей.

С тех пор он стал Юриком Ласкью, водителем тяжелого грузовика.

Тяжелое – это надежно. – гласил первый клич. Но, Юрику было это не так важно, хотя он еще как уважал братство отчаянных водил, ценил их работу, понимал то, что они все делают. День за днем, в нечеловеческих условиях, кое-как направляемые пучком света размером с пятерню... чем-то похожем на нее, отдельные лучи отходили в стороны, как пальцы, поэтому так и называли. Следили за «пятерней», чтобы не свалиться в овраг, бывший водоем, туннель, платину, канал... да, чего там только не осталось от прежнего Мира.

Иногда Юрик сжимал руль, а слова сами вытесывались, свистели из сдавленных челюстей: Чтоб б ты сгорел! Что б ты... чертов Мир, чертова хлябь!

Но, потом вспоминал обещание, себе и ей. Получается, два обещания. И оба они вели к тому, чтобы... чтобы ехать дальше, несмотря ни на что.

Ехать дальше, потому, что он обещал, что когда-нибудь найдет... – в такие моменты он всматривался в хлябь, ища хоть одну зацепку. Хоть краешка, хоть ниточки.

Ни-че-го! Только безмерная кольшушущуюся масса, в которой, под которой куча опасностей.

И, по которой, от бункера к бункеру ехали водилы, ось к оси, оставляя в ней свои жизни, но и, доставляя грузы и все необходимое, иногда и людей, нуждающихся в поиске тех, кого они хотел хоть раз увидеть.

И такова была работа водителей тяжелых грузовиков.

***

Эх, черт... не о том ты думаешь, Юрик, не о том! – ругал он себя, пытаясь увидеть первые очертания ворот ангара Шесть-Ноль.

Тебе бы подумать о том, чего ты по-настоящему хотел, когда первый раз попал в Семь-Ноль, в ангар водил, чтобы стать... Он не знал кем, но увидел доходяг, в основном стариков, с большими лейками, снующими у капотов огромных машин, обвешанных кучей металлических пластинок и, похожих на...

Юрик тогда не знал, на что они похожи. Только смотрел, как чад от сгорающего масла уходит вверх в черный высокий потолок. А вместе с ним, двигатель все лучше и чаще издает «бурм-бурм-бурм», как-то похожее на работу моторов из прошлого и все меньше «хр-хр-хр». Поливаемый жизненно важным соком, мотор оживал, суставы его железного тела напитывались маслом, смазывались, сообщались и начинали двигаться, не мешая друг другу, не задевая.

– Э-э-й! Кре... – кто-то кинул в него что-то, пока он зевал, смотрел на железных мастодонтов. Издавна так повелось: чем тяжелее грузовик, тем надежней. Да. Тяжелое – это надежно! Все так, все так.

«Э-э-й!» принадлежал Гену Муто, старому водиле, который научил его всему. Учеба началась с этого «э-э-й». И еще, когда Юрик сказал, что мог быть масленщиком, но Ген покачал головой и показал на железные штуки в дальнем углу.

– Еще и еще. Давай. – сказал Ген.

И хоть Юрику было непонятно, что тот от него хочет, он тогда не знал обрывистого языка водил, громкого и резкого, будто они, разговаривая даже в ангаре, пытаются перекричать завывания хляби в передатчике, но он решил, что должен использовать эти штуки еще-еще-еще. И еще, пока... Пока, что!?

Он пошел туда, куда указал ему Ген. Но, задумавшись «пока, что?», обернулся, Ген кивнул в сторону грузовиков.

«Пока не сможешь управлять такой штукой». – наверное, это хотел сказать Ген, но не сказал. Водилы хоть и говорят отрывисто и крикливо, или не говорят вообще, показывая кивками или молчанием, но каждое слово или движение – точно.

Такова жизнь водителей тяжелых грузовиков.

Не о том ты думаешь Юрик, не о том... воспоминания, плохая хрень для водилы, особенно во время рейса. Особенно во время рейса к бункеру «Плохой камень». Шесть-Ноль, вообще-то. Но, водилы иногда называли его «Плохой Камень». Старое название, еще со времен, когда первый водила намотал ось грузовика на большой камень, на последнем повороте, почти перед самой прямой перед воротами.

Тот водила был не виноват. И летала, скорее всего, тоже. Другие водилы, ехавшие за ним, тоже были не причем.

Просто камень был плохой. А дорога еще хуже. Как всегда.

***

Не о том ты думаешь, Юрик! Не о том. – от злобы на себя, он поджал педаль, достал передней скобой за грузовик Мердока... эх, черт! Мердок погиб. Поджарил себя в луже водорода. Нет, это не грузовик Мердока. Его больше никогда не будет впереди!

Так, что пытался показать Гув!? Показать тебе, Юрику, или увидеть сам!? То и другое?

Он пытался показать, какой красивой может быть Земля, когда на ней нет всего этого дерьма. А заодно, он пытался показать, с какой мечтой пришел ты, Юрик, ставший Юриком Ласкью, одним из лучших водил тяжелых грузовиков. С какой мечтой ты пришел в водилы тяжелых грузовиков.

Да, черт! Скажи ты уже! Ради чего ты пришел. Ну!

Не ради того, чтобы держать ось к оси, натягом, всей колонной расталкивать хлябь, ухватывать вечно вырывающийся руль. Вправлять кости себе и другим водилам, которые выбивала матушка-кочерга, в самый неподходящий момент, когда коробка слетала на шестеренку ниже. А потом, все-таки как-то доехав, упиваться флягами масленщиков, колотить во сне, от жутки и отчаяния, в железные стены бункера!?

Ради чего ты пришел, Юрик Ласкью!?

Эй, поживей! – сказал Юрик, когда водила впереди, неплохой малый, но новичок, подвалил заднюю ось, видно, пережав газ, или, воткнул не ту передачу.

Юрик включил пониженную и подтолкнул его в сторону заноса. Тот сразу понял, добавил газ, выровнялся, пошел дальше.

Он был впереди. Новичков обычно ставили вперед. Их не так было жалко терять, как опытных водил. И если летала пропустит ущелье или еще что-то, то первым улетит грузовик новенького. Зато опытные водилы успеют остановиться.

Хреновый порядок, но такова уж была жизнь водителей тяжелых грузовиков.

***

Ради чего ты пришел Юрик? – он сидел один за длинным столом, взглядом никого не подпускал. Другие, наверное, думали, что это из-за Гува. Да и к черту, пусть думают, что хотят! Ему было наплевать.

Когда они добрались до ангара Шесть-Ноль, внутри у Юрика все скребло от всех этих вопросов, зачем и почему. Он понимал, что исколесил туда-сюда эту чертову хлябь сотни раз, от Кривого Мыса до Тупой Суки и от Плохого Камня до поворота на Восемь-Ноль.

Он уже намотал на заднюю ось, если не всю Землю, то всю ее хлябь, залатал все места своего грузовика, всеми пластинами, которые находил сам и находили для него. Его грузовик стал самым тяжелым, если не считать грузовики Гува и Гена, которые были теперь обломками и осколками, застыли и потерялись в хляби уродливыми остовами.

И что, Юрик?

Ты хоть как-то приблизился к тому, чего ты хотел? К тому, что ты обещал себе и ей!?

Бам-с! – ударил кто-то в железную стену бункера, и «бам-с-с» разлетелось не только по сырým толстым стенам железного подземелья, но и раздалось внутри Юрика. И, внутри разда-лось не «бам-с», а «не-е-е-т».

Юрику повторять и не надо было. Он и так знал, что: Нет!

***

Нет. Он не приблизился к тому, что искал. К тому, что хотел и ради чего пришел в ангар Семь-Ноль, чтобы стать хотя бы масленщиком, а лучше леталой, а стал водилой, одним из лучших водил, одного из лучших в их ангаре, тяжелого грузовика. А после того, как сгорел... нет, поджег себя, взорвал, уничтожил, Гув Мердок, так самого лучшего.

И что с того!? Как это приблизило его к тому, что когда-то сказала ему она!? Того, что он никак не мог забыть, и ради чего он проделал такой путь!?

А, ради ли этого, Юрик!? – спросил он себя, а в ответ опять услышал «ба-м-м-с...ба-м-м-с».

Понятно, кто-то колотил в стену от ужаса и отчаяния. Привычное дело. Как и то, что он сотни раз проехал между Тупой Сукой и Глубоким Оврагом, намотал сотни кругов между Семь-Ноль и Шесть и Два... и еще..., а к черту! Сейчас не хотелось вспоминать все эти номера.

Другое дело то, о чем рассказывала ему она. Он уже забыл половину! Больше! Почти все забыл, за сотни часов, пока руль рвался из рук, матушка-кочерга била по ребрам, а колеса садились в хляби.

Нет, что-то он помнил. Что, раньше у бункеров не было номеров, у них были имена, и эти имена что-то значили. Черт, да и не бункеры это были. Это было что-то другое, что он надеялся увидеть. Хотел увидеть, как саму жизнь. Не такую, проведенную в жестянке, сжимая глаза, смотря через поток грязи, льда и пепла, с трудом удерживая руль и двигая коробкой, которая была куда тяжелее, чем самая тяжелая штанга в дальнем углу ангара Семь-Ноль.

Нет, не такую жизнь он хотел. Он хотел добраться туда, о чем рассказала ему она. Об этом он еще не забыл. Еще бы забыл!

Она сказала... нет, он ее спросил. Он сам спросил, не стал дожидаться, пока ее зрачки станут серыми и единственное, что можно будет делать – это ложиться ей на грудь, вслуши-ваться в дыхание, которого уже нет.

– Скажи, где нормальная жизнь? Где, скажи мне? Я найду ее. Обещаю! Найду!

– Найдешь, Юрик? – она вцепилась в него, одно рукой, вторая у нее уже не действовала.

– Найду, обещаю! – сказал он, сжал ее руку.

– Пообещай себе! Не мне. Себе. Слышишиш-шь-шь-шь...

Юрику показалось, что при каждом шь-шь-шь, у нее отваливаются кусочки губ, когда-то таких прекрасных, теперь высохших, серых, как и вся она, но все еще очень красивых.

– Обещаю! – сказал он, с жаром. – Обещаю, что найду. Скажи. Где? Где!?

– Там... – кажется, последние силы оставили ее, так что Юрик услышал только то, что выдохнули ее губы, последнее, перед тем, как она умерла:

– Там... на краю Земли.

Там, на краю Земли. Там! На краю Земли! Там, на краю... есть нормальная жизнь. Он был уверен. Не только потому, то ему обещала она.

Он был уверен, и сам по себе. Есть – и это – там! На краю Земли, где начинается хорошая, другая жизнь. Там нет, сыплющихся с неба, пепла, льда, обломков, превращающихся в жуткую хлябь, которая укрывает все то, что он столько раз видел на картинках. Там все это открыто и можно ходить туда-сюда, проходить долгие расстояния, без грузовика, обвешанного металлом, ось к оси, с другим отчаянными в рейсе.

– Уж намотал ось на Землю? – спрашивал его Гув, после каждого рейса.

– Намотал, Гув. – хотел бы ответить ему Юрик, и в общем-то, так и отвечал. Но никогда не добавлял то, что хотел добавить: – Намотал. Но, край Земли, я так и не нашел.

Он не добавлял это потому, что потом, и он был в этом точно уверен, его было бы уже не остановить. Он бы на весь ангар стал кричать: Край Земли, за которым нормальная жизнь... Край Земли, где есть не только бункеры и рейсы... Край Земли, где по Земле можно ходить! Господи, пешком! Край Земли, где... за которым... там...

Он бы точно не остановился. А, потом, после нескольких фляг подряд, успокоился бы, поник.

Что ж! Масленщики смазывали не только двигатели тяжелых грузовиков, но и двигатели самих водил.

Хе-х... – кажется, от этой мысли, Юрик усмехнулся.

***

– Нормально катаешь, Юрик. – сказал ему кто-то и дал в руки флягу. Но, голос был не масленщика. Крепкий, отрывистый. Такой мог быть только у другого водилы.

– У нас у всех работа такая. Так, что... – Юрик хотел побыстрее избавиться от незнакомца, вернул ему флягу, не отхлебнув, даже не посмотрев в его сторону.

– Что есть, то есть.

Юрику показалось, что незнакомец ушел. На самом деле, тот просто замолчал.

– А как вообще там?

Юрик посмотрел в сторону говорящего, но мало, что увидел. Так бывает после долгого рейса, когда час за часом, поворот за поворотом, вглядываешься в хлябь.

У водил, на этот счет, имелась шутка. Даже не шутка, а так, дать понять, чтобы кто-нибудь, кто лезет с глупыми вопросами, после рейса, отстал побыстрее.

В ответ на вопрос «Ну, как там?», бывалые водилы не срывались, не посылали спрашивающего, а отвечали «Неизвестность». Потому, что это так и было. Самый точный из неточных ответов.

Ну как там? – Неизвестность.

И все. Больше не надо слов.

– Слушай, брат... – Юрик не хотел ругаться, кто бы перед ним не стоял. Ему нужно было побыть с самими собой. Слишком много произошло за последнее время. Он потерял лучшего напарника, и, благодаря его смерти, увидел, какая она, Земля, какая она есть. И понял, что хоть он уж много раз намотал всю хлябь от Семь-Ноль до Один-Ноль на оси своего грузовика, к своей цели – он так и не приблизился.

Он не добрался до края Земли, ни на километр не стал ближе к тому, что она называла настоящей жизнью. Так, что да... Юрик бы мог швырнуть в невежу, чем попало, сплюнуть и отправить его кормить крыс на обочине, но он просто сказал:

– Слушай, брат, я... короче... не до этого.

– Понимаю. Слышал про Гува. Мердок... это легенда. Ты знаешь, что он первым придумал обливаться все двигло маслом, перед рейсом, чтобы хватило туда-обратно, если колонна не сможет добраться до следующего бункера?

– Не, не знал. – ответил Юрик, поняв, что от этого чела просто так не избавиться.

– Мало, кто знает. Я катал с Гувом, еще, когда он был на безкапотном. Не... Ты не знаешь, старая машина, древняя. Там так кабина еще утроена, что если колеса под тамбуром за что-то зацепятся, то хана. Что бывало и часто, дороги раньше были еще хуже, сплошь поваленные деревья, остовы легковых машин... да, такие тоже были, не всегда по этому миру передвигались только тяжелые грузовики. Хотя, я даже рад этому, рад...

– Чему?

– Ха-х... что в этом мире появилось что-то, по-настоящему, тяжелое. Ведь, тяжелое это...

Юрик начал что-то видеть, кроме серой крошки перед глазами и различил, что этот хренов знаток протянул ему клешню или что-то... – Тяжелое, это надежно!?

– Тяжелое? – то ли спросил, то ли ответил он.

«Тяжелое... хрена два... тяжелое... это...». – внутри у Юрика все полыхало. Злость хлестала, как масло из движка, если вдавить педаль. Толком ничего не видя перед собой, он выбежал из зоны столов, побежал, толкнул кого-то, что-то опрокинул, вбежал в ангар.

***

Под ногами расплывались грязные лужи, с мелкими кусками метала и грязи, и жирной клейкой гадости. Всего того, из чего состояла эта жуткая масса, которая с давних пор покрыла всю Землю. Перхоть Земли, Копоть неба, хлябь... как только ее не называли.

Он стоял и смотрел на своего друга. С железных плит стекли грязь и лед, обнажив заклепки, каждая, толщиной с палец. Да, некоторые уже вылезли, другие согнулись, третьи так сильно покрылись гнилью и ржавчиной, наверняка, самые старые, что во-вот, шляпку скрутит, во время следующего удара.

А все равно, большая часть плит держалась. И сидела ровно, в тех местах, где им полагалось. Прямо там, где надо, чтобы защищать от всей этой адовой хрени, которая только может случиться в рейсе.

– Что, думаешь, он тебя отвезет туда!?

Юрик услышал тот же голос, который доставал его у столов для водил.

– Да, какого...

Но, не успел Юрик закончить фразу, как повернулся и увидел шуплого, по меркам водилы конечно, и старого, даже не только для водилы, чувака. Он-то ожидал увидеть низкорослого, шириной плеч с радиатор и клешнями такими, что можно было на них карты раскладывать.

И только потом вспомнил «Я еще с Гувом катал». Так что, все сходилось.

– Знаю-знаю. Думаешь, откуда этот старикан все знает. И еще... наверняка думаешь, чего это у него руки и плечи, как у какого-нибудь масленщика, а он рассказывает про то, как там начинал Гув Мердок. Великий Гув Мердок! Он же тебе показал, да!? Я слышал, все слышали. Он тебе показал и всем остальным в рейсе. Он не просто так прицепил потаскушку. Водород! Еще со старых времен. Но, Гув знал. Умный малый. Был. Знал, какой будет взрыв и знал, что если он будет давить на газ, не жалея ни заднюю ось, ни переднюю, то уедет далеко, чтобы никто не пострадал.

Зато, чтобы все увидели: какая раньше была Земля и как по ней можно было запросто ходить. Нет, нет... – тот отмахнулся, хотя Юрик и не возражал. – Не, я сам не помню то время, и не могу помнить. Это было много лет, слишком давно. Но, зато я знаю, почему некоторые водилы становятся лучшими, как ты, Юрик. А другие всю дорогу виляют осями, как шлюхи бедрами.

– Шлюхи? – не понял Юрик.

– Ладно... это слишком старая шутка. Будем считать, что я ничего не говорил. А то знаешь, если я начну тебе рассказывать, кто такие шлюхи, то одной фляги не хватит. А у меня только одна. – старик потряс облезлым пакетом, с припаянным вентилем от крана. Это она, до того, показала Юрику протянутой рукой.

«Протяни не руку, а флягу. – подумал он и даже усмехнулся про себя. – Как, тянет на очередной клич водил?»

– Только одна, но довольно хорошая. Так, что, Юрик!? Хочешь узнать, почему лучшие водилы сходят с ума.

– Да... все сходят с ума. – махнул Юрик.

Он понимал, что старику просто одиноко и недолго-то осталось, так что тот хочет с кем-то поделиться тем, что намотал на заднюю ось за всю свою гребанную жизнь. Но, Юрик не хотел этого. Не хотел слышать еще один рассказ про то, как кто-то потратил все свои силы на то, чтобы буравить эту долбанную хлябь, каждый вечер напиваясь бодяги масленщиков, колотя в стены от безумия, а на следующий день, снова всматриваясь в хлябь.

– Ну, ладно, парень. – кажется, старик все понял во взгляде Юрика. – Как надумаешь, найди меня. Кто знает, может твоя беспокойная мечта занесет тебя в Восемь-Ноль?!

– Восемь-Ноль? – Юрик удивился, потому что всего несколько раз слышал об этом бункере, одном из самых далеких, но никогда там не был. Возможно, он и поехал бы, но таких рейсов на его памяти не было.

– Давай, брат. Засыпай. Тяжелое это...

– Надежно. Надежно... – сказал Юрик и почувствовал, что его глаза и голова давно готовы спать, а кулаки стучать в железные стены, от боли и отчаяния, которые тем сильнее во сне. В котором ты точно знаешь, не можешь от себя скрыть: ты еще не нашел то, что ищешь.

Глава 3. Мак Нагорски

Мак давно перестал принимать жизнь всерьез. Только одно не давало ему покоя. Точнее, не одно. Вообще-то, не давали покоя две вещи. Первая: он старый. Не в смысле «эй, старик, ты че раскис», а реально, до жути старый. Наверное, самый старый среди водил.

Такой старый, что каждый раз, когда заднюю ось носило, а матушка-кочерга скакала, норовя вдарить ему, как будто была живой мстительной сукой, вечно следящий за водилой «не расслабляйся», Мак чувствовал, что реально постарел, в смысле – он до хрена давно делает это дело.

Да... Мак уж временами мечтал, чтобы зад стащило, поволокло потаскушку вперед, да так, чтобы та обогнала тамбур, кабину, а потом и эта чертова хрень, вот уж как сотни лет (хотя, всего-то тридцать-сорок), сыплющаяся на эту дерьмовую Землю, встала, встала не вдоль, а поперек. И тогда бы Мак зажмурился, а его правая нога до отказа вдавила педаль. Чтобы рычаг заплясал как бешенный, и весь этот чертов грузовик пошел закрутился и затрещал к такой-то матери.

Короче, на языке водил, крикливом и простом, не терпящем всякой хрени, Мак бы сказал так: На хрен это дерьмо! Ось поперек, педаль в пол!

Наверно, примерно тоже самое хотел сказать Гув Мердок и, надо сказать, сказал. Этот заносчивый сукин сын, талантливый водила, как будто рожденный быть водилой – все сказал. Всем показал!

Это надо ж! Найти в потаскушку цистерну с водородом. Ладно, что найти. Прицепить, да поехать, да подорваться. И чтобы увидели!

Эх-х... мала-дца, Гув! – пытался повеселить себя Мак, но не получалось.

Вместо веселья, внутри зашевелилось кое-что другое. Он сделал движение, от уголка глаз к виску, ногтем большого пальца, хотя и знал, что выирать там нечего.

***

Да, Мак перестал принимать жизнь всерьез. Он не мог пустить ни одной капли, даже по поводу Гува, можно сказать, своего ученика. Ни по поводу кого-то еще. Ни по поводу себя тоже

Только разве что... да, по поводу этого. Хоть и чушь это была, хрень собачья, пустяк.

Но, это была вторая штука, сразу после той первой, про старость, что он, Мак, а на самом деле Максимус (но, кто же оставит такое имя, если ты водила тяжелого грузовика) мечтает о кое-чем, мечтает давно, так же давно, как и не принимает жизнь всерьез.

Это была картинка. Можно сказать, обрывок, клочок. Жалкий листок, который он когда-то нашел, за козырьком своего первого грузовика, в честь которого он себя и назвал: Мак. Точнее, в честь которого он сократил свое имя, свой позывной. От Максимуса к Маку – простая дорожка, если передатчик на рейсе трещит и щемит.

На той картинке он увидел кое-что странное. Он увидел грузовик. Почти такой же, в котором он эту картинку и нашел, но совсем другой. Его старина-восьмиосник, как будто, пережеванный и выплюнутый, с ворохом металла на бортах, отваливающихся и скрипящих, да весь черный, на капоте, в зарослях от горящего масла. А тот, на картинке, был такой, как будто, как... – Мак, вспомнил, как первый раз крутил жалкий обрывок и не знал, как объяснить что-то, с чем он столкнулся.

Грузовик на картинке светился! Причем, не только снаружи, но и изнутри. Но, было еще кое-что. Еще чуднее!

На капоте, святящемся, без черноты и масляной гари и ошметков металлической чешуи, лежал человек.

Нет, не труп. Тот был живой. Это было видно по тому, как тот подставил руку под голову, чтобы смотреть вперед. Но, взгляд его не был таким, какой был у Мака или других водил, когда

они всматривались в хлябь, стараясь определить, где там, среди черного дыма и кусков льда и пепла, подсвечивает «пятерня» леталы.

Нет... тот человек, на сверкающем капоте, вроде как, отдыхал, всматриваясь вперед. Всматриваясь куда-то... Куда? В неизвестность. Если только это была неизвестность!? Нет, не похоже... но, что это?

Любой водила знает, что во время рейса, он всматривается... куда? В неизвестность, куда же еще.

Стоп-стопэ, Мак! Харе! Не гони, не ерзай осью, не трави газ, не ори ты на суку-матушку-кочергу. Сукой она была, сукой и останется! Ты же знаешь, что эта картинка из прошлого. Так, что...

Но, ни в тот, ни в следующие разы, Мак так и не подобрал слов, после «так, что...». Они сами наклеивались, в общем-то, и даже сами произносились. Но, верить в них, Максимус Нагорски, отказывался даже сейчас. Даже сейчас, когда уже был почти стариком. Стариком!? Да ладно... ну, только если сравнивать с другими водителями.

Так, что... так, что... Так, что водилы из прошлого могли вот так лечь на капот тягача, всматриваясь вдаль? Просто лежать!? Просто смотреть? Остановиться посреди дороги и смотреть...

И это была вторая вещь, которая не давала ему покоя. Он хотел хотя бы раз, чтобы вот так, как этот сраный тип с картинки, остановить грузовик, вылезти, лечь на капот, подложить руку под голову, и спокойным взглядом посмотреть... куда?

Куда-то, хоть куда. В Даль! Спокойно смотреть. А не так, как смотрят они, ворочая руль, тяжелее стокилограммовой штанги, всматриваясь не вдаль, а в ближайшие десять метров и слабую «пятерню», прыгающую, еле видную на поверхность этой чертовой хляби.

***

Поэтому его так зацепил этот молодой водила, Юрик, напарник Гува, когда он скрежетал зубами и говорил про какой-то край, где или, после которого, есть другая жизнь.

Он узнал себя. Когда он, то и дело, перед рейсом, доставал картинку. Потом, доставать уже было не нужно, Мак и так ее мог воспроизвести перед глазами, в любое время дня и ночи, где бы он ни был. И смотрел на нее, настоящую или воображаемую, пока старался удерживать ось к оси всех тех рейсов, которыми он шел. Все потому, что видел, точнее надеялся – где-то есть такое место, со сверкающими грузовиками, без хляби. Где можно просто так остановиться, лечь на капот и всматриваться в даль, а не в неизвестность.

Может этот парень, этот Юрик, ища свой край земли, тоже чего-то хочет, кроме порции масла в начале рейса и фляги – в конце!?

Может, не только он, один, уже старый, но так и не задушенный всей этой чертовой хлябью и отчаянием, Максимус Нагорски, хочет увидеть жизнь и Землю другой!?

Такой, какой, судя по рассказам, которые быстро распространились между бункерами, показал ее Гув. Да, рассказы... это водилы только в рейсе немногословны, чтобы не отвлекаться, а уж за флягами... такой, какой показал ее Гув Мердок. На пару минут разогнав хлябь, очистив поверхность. Чтобы все увидели, что где-то внизу, есть Земля, по которой можно ходить.

По которой можно не гнать тягачи, один за другим, в колонне, ось к оси, всматриваясь в неизвестность, выставляя сорванные потаскушки новичков, обратно в колонну. Где можно ехать на грузовике. А потом остановить его в любой момент, без риска быть похороненным под метром грязного льда с пеплом, этой чудовищной массы, которую они называли то хлябью, то перхотью Земли.

Вот, просто так остановиться, выйти... забраться и лечь на капот, и лежать, сколько угодно, всматриваясь и, видя даль. Даль, которая...

Может, этот мальчик бредит краем Земли не просто так? Может, такой есть!? А там есть все это?

Но, в тот вечер не удалось как следует поговорить. Юрик, понятно, еще не отошел от того, что случилось с Гувом.

Ну и ладно. Мак был спокоен. Он знал, что рано или поздно, Юрик появится в их дальнем, мало кому известном, Восемь-Ноль. Он был уверен, что такие, как Юрик, как и он сам когда-то, не успокоятся, пока не доберутся.

Куда!? Не понятно.

Но, утром уехал с другим рейсом, чтобы потом вернуться в позабытый всеми, Восемь-Ноль. И ждать.

Чего? Он не знал.

Глава 4. Шесть-Ноль

Утром Юрик с трудом проснулся. Оказалось, растянулся, заснул прямо на длинной грязной скамье, тянущейся вдоль стены у столов Шесть-Ноль, как масленщик или летала.

Хотя, водилам полагались отдельные места для сна, как их называли, «плечи». Никто не знал, почему «плечи», кто-то говорил, что вроде, старое название. Но плечи были не так уж плохи. Из старых контейнеров, составленных один к другому, тех, которые не годились на погрузку или были не по размеру.

Ну и еще, водилы могли вдоволь стучать там по стенкам. Пусть эхо разносилось дребезжащим «бам-с...бам-с», зато обитателям бункера было не так страшно. По этому звуку, они узнавали, что это не что-то хреновое падает с неба, вот-вот взорвет их единственное укрытие, а просто один из тех героев, благодаря которым они все еще едят, пьют, крайне хреново, но как-то выживают, – сходит с ума. После того, как привез им то, благодаря чему они спят, едят и хреново живут.

Во всех бункерах, все знали. В жизни водил мало, что существовало, кроме «движок-коробка-кабина» и «ангар-рейс-бункер». И это было сложно. И, такова уж жизнь водителей тяжелых грузовиков.

Вот поэтому, когда один из них не может уснуть, колотит в контейнер, который стал ему домом до следующего рейса, ему подносят очередную флягу, садятся рядом, гладят по волосам, говорят что-то.

И эти герои рейсов, суровые мужики с огромными руками и плечами такими, что и не поймешь, выше они или шире, скулят и жадно глотают то, что во фляге, лишь бы боль ушла. Лишь бы перед глазами перестала кружиться хлябь, а в руках дрожать тяжелый, как две штанги, обрубленный кусок железа, руль их грузовика, а у правой руки сходить с ума чертов штырь, способный проломить лист железа, который они почему-то называли матушка-кочерга.

***

Но, в ту ночь, Юрик Ласкью, лучший из водил, не добрался до отведенного ему, «плеча», заснул там, где есть. А, очнувшись, рядом на столе лежали две фляги, одинаково пустые.

Обычное дело, но... орал ли он что-то, колотил ли в стену, в стол, в того, кто случайно пришел посмотреть, что там с этим знаменитым, мать его, Юриком?

Нет, Юрик! Не орал. Не колотил! – сказал он сам себе и потрянул головой. А зря он это сделал. Шесть-Ноль и так был уродливым, как самая поганая дыра. А тут еще, от тряски и дзинькающей боли, стал совсем как круговерть лоскутов, грязных, как вся жизнь столов и, тянущихся вдоль них, лавок, унылых и непригодных ни для того, чтобы сидеть и есть, ни для того, чтобы спать.

Пр-о-о-чь! – закричал Юрик. И от этого крика вспомнил, кому принадлежит вторая фляга. Тому щуплому старику, водиле, хотя по виду, больше похожему на масленщика или леталу. Но, водиле опытному. Еще как! Это он напоил его вчера, и это он рассказывал ему какую-то хрень, сначала про Гува, потом про тех, других водил, которые были раньше, когда-то.

Да кого это вообще интересует!? Раньше? Водила был и водилы нет. Это просто, как сама жизнь, как клич, вой, крик... в общем, слова тех, кто водит тяжелые грузовики: тяжелое – это надежно. И никаких сомнений. Это и так всем понятно.

Ух-х... А, ну! – он хотел потребовать еще флягу, но вспомнил, что уже утро, да к тому же, день следующего рейса. А значит, ни один масленщик, даже под страхом смерти, не принесет ему ни то, что флягу, а даже и воду, разбавленную пойлом.

Да и ему надо бы собраться. Что он там сказал этому старику!? Рассказал про то, куда он на самом деле хочет ехать?

Не... нет, что б тебе! – Юрик вспомнил, как почти заснул, когда начал говорить про край земли. И про нее, возможно. Хотя, нет, так он не мог набраться. Про нее он ничего не сказал. А про край земли... что ж, это может быть даже нужно. Кто знает, может старик что-то знает. Да-да! Знает! Может, он даже знает, где...

Юрик не додумал. Кое-как встал на ноги, покачал плечами, взмахнул руками, силы к нему вернулись.

Сегодня его ждал не очень трудный рейс. Пока их колонна оставалась здесь, в Шесть-Ноль, он должен был съездить с двумя новичками, забрать пару десятков контейнеров из Пять-Ноль, который был рядом. Из препятствий – только Жопошный Туннель, в конце спуска, страшный только со стороны. Опасный разве что тем, что если у кого заглохнет грузовик, он либо стянет кого-то вниз, если будет внутри колонны, либо сам скатится, если будет спереди или сзади. В любом случае, это не упасть в пропасть. Ну скатятся и скатятся. Поднимутся и поедут дальше.

***

Ну... – махнул он в сторону масленщиков, которые бегали вокруг его грузовика, сел в кресло, посмотрел через мелкие перекрестья проволоки и крупные от пластин-створок.

Сколько раз он всматривался туда, в эти разные клеточки, пытаясь определить, что впереди, на дороге, какая там хлябь. Закручивающаяся, как опрокидывающий буран или веющая, как сметающие порывы. Что там, что может убить его в следующую секунду. Где на поверхности из крошки льда и пепла, слабая желтоватая точка пятерни леталы. Который может и сам не увидеть, где под хлябью скрывается овраг или скала.

Сколько раз он, Юрик Ласкью, один из лучших водил тяжелых грузовиков, всматривался в эти перекрестья металла и видел только неизвестность?

А думал, что каждый чертов километр, проделанный с таким трудом, подвергая риску и себя, и грузовик, и все колонну, приближает его к тому, что он когда-то пообещал ей: найти край Земли, за которым все нормально, и есть другая жизнь.

Найти, доехать, добежать, да хоть доползти. Оставить там, на границе между этим ужасом и новой жизнью, свой тяжелый грузовик. Он ему там не понадобится. Она рассказывала! Обещала! Что там можно ходить пешком. Просто идти. Вот так!.. просто идти по Земле.

И ты приблизился к этому, Юрик!? Хоть на шаг? Ты стал ближе!?

Чтобы не отвечать, Юрик занялся привычной работой. Протянул все задвижки, проверил соединения, прокачал педали.

Ну-у... – закричал он, почему-то злой на масленщиков. Потом с силой натянул проволоку, так, что та закричала, рванул, что чуть не оторвал. Двигатель всхлипнул, а два носика масленок дернулись справа и слева от капота.

Накрутил пуск еще раз, дернул опять. На этот раз, не так сильно, но как надо, с выволочкой в конце.

Двигатель всхлипнул и чихнул. Да и масленщики не только вздрогнули носиками, но и дали пару струек. Правда не совсем туда, куда надо.

Черт, болваны... – Юрик намотал еще раз, дернул, еще раз намотал и еще. Редко, когда двигатель заводился раньше, чем через десять повторений.

Потом натяг ослабел и вслед раздался звук, который успокоил Юрика. Звук двигателя его тяжелого грузовика. В начале тот был, как звуки ударов камней о ржавое железо. И только после крепкой работы масленщиков, стал похожим на рык.

***

Пока двигатель прирабатывался, а масленщики суетились, Юрик вылез из кабины, подошел к двум машинам, которым предстояло ехать с ним в соседний бункер. Но, не особо обращая внимания, ни на них, ни на их грузовики. Так, сказали друг другу что-то, пожелали держать ось к оси, хлопнули руками «тяжелое это надежно» и все.

Юрик хотел поскорее отправиться. Он кое-что должен был пообещать себе. Как когда-то пообещал ей. И если уж это делать, то в кабине своего грузовика, выезжающего навстречу хляби.

Наконец, он хряпнул дверью, взялся за руль, врезал по матушке-кочерге. Да так, что та даже не пискнула, сразу встала в положенное место, надавил на педаль. Капот затрясся, захрустел всей броней, грузовик покатился к воротам.

Юрик подождал, пока за ним встанут двое водил из сегодняшнего рейса, потом отследил «пятерню» леталы, дал команду, чтобы открывали. Ворота открылись, и он увидел, что и так, в общем-то ожидал увидеть. Хлябь, бесконечную хлябь. Летающую, падающую сверху, поднимающуюся вверх, закручивающуюся, как будто кто-то очень большой пинал их Землю.

Юрик сжал матушку-кочергу, которая на первой передаче, была самой беспокойной. Но, сейчас злости и силы, в нем самом, было столько, что та даже показалась ему покладистой. Выехал, еле различая темный горизонт и точку «пятерни» леталы.

Кто сегодня со мной? Ты там, кто? – спросил он, обращаясь к летале. И чуть не добавил: Ты видишь край Земли, ну веди нас туда, черт бы тебя... к новой, другой жизни. К той, где можно ходить по Земле. Веди, веди...

Но, конечно, ничего такого не сказал. Не просто так он был водилой тяжелого грузовика. Он знал, что говорить, и когда говорить.

Но, он сказал себе. Тут его никто не мог остановить. Он сказал: Я найду тебя, Край Земли. Найду! Эй, слышишь! Холи-хэй! Это я, Юрик Ласкью тебе говорю!

Глава 5. Раски-летала

Раски боялся кое-чего. Нет, вообще-то он много, чего боялся. Но, сейчас страх встал перед ним серой стеной ангара, у которой сидели масленщики и леталы, в те дни, когда не было рейсов или все разъехались, остались только забункерные.

Он боялся, что сегодня останется здесь, среди тряпья и пустых бочек, с масленщиками, которые, когда не было работы, напивались самой хреновой дряни, валялись в своих черных углах. Что-то говорили бессвязное.

Что?! Раски знал, что. Любой масленщик, напившись до беспамятыства, горланит о том, каким бы водилой он был. Кричал «тяжелое – это надежно, уж я-то знаю» или «ну и намотал бы я ось на Землю, уж намотал бы...». А некоторые, особенно пьяные, но еще не утратившие дара речи, плели истории, как бы они проехали от Один-Ноль к Семь-Ноль за пару дней, без остановок.

Нет! Нет, ни за что! – сказал себе Раски, – Только не сегодня. Валяться и слушать завывания пьяных масленщиков!

Ну, нет! Я должен поехать с этим рейсом в Восемь-Ноль. Самым опасным, может быть, последним. Но, я должен. Юрик едет, и я поеду, вот и все. Я кое-чего хочу. Потому, что я...

Тут Раски остановил разговор с самим собой. Он как раз вошел в ангар.

Было еще рано, но тот был заполнен дымом и копотью, с которыми не справлялась даже мощная вентиляция Семь-Ноль. Несколько грузовиков грело свои двигатели, в это раннее время. А среди них, один из самых тяжелых в ангаре. Грузовик Юрика Ласкью, конечно же.

И зря он так, зря! – подумал Раски, увидев, как несколько масленщиков, в том числе старина Аботт, бегали от капота к капоту, не готовые, в такое раннее время и к такой тяжелой работе.

Натыкались друг на друга, спотыкались, роняли масленки, спорили у бочки, кому первому наполнить. В общем, делали все, что возможно, чтобы не получить «ну, чего?» от водилы.

Раски подумал, что валяться пьяными, полу умирающими от перебродившего пойла, когда работа закончена, для масленщика – это вполне ничего. А вот, не сделать то, что нужно – хуже некуда. Не успеть, не обдать весь двигатель маслом, чтобы оно попало в каждый штуцер, в каждое соединение, чтобы потом грузовик встал, остановив всю колонну. А может быть, перевернув ее. И чтобы все эти люди, все эти крепкие водилы, вылезли и стояли посреди хляби, заволакивающей их.

Пока все вокруг не стало бы частью хляби. Потому что, то, что хоть раз оказывается в хляби, становится хлябью. Но, пока, у водил еще были свободны головы и рты, они все вместе проклинали бы какого-нибудь масленщика.

Раски видел такое. Во время рейса от Семь-Ноль в Пять-Ноль. Хотя, про масленщиков он это сам добавил. Просто грузовик впереди встал, намертво, как будто кто-то огромной клешней вцапал в бампер. Встали остальные, вслед за ним. От резкого торможения заглохли и больше не завелись. В слабые сигналы связи, он слышал только хрипы. И ему казалось, что эти хрипы проклинаят масленщиков.

Так что, у каждого и любого масленщика были все основания не пропустить ничего, что нужно полить. И, похоже, дело тут вовсе не в доблести. А в обычной, хотя, может и не такой уж обычной, человеческой поддержке: никто из масленщиков не хотел, чтобы кто-то оказался похороненным в хляби по его вине.

А может, поэтому они так и напиваются, когда грузовики уезжают в рейсы. – вдруг подумал Раски. – Чтобы не думать о том, что может пойти не так по их вине!?

***

Раски прошел в клубах дыма и пара, заслоняясь от брызг масла, которые превращались в мелкие черные ошметки, когда попадали на раскаленный блок и трубы двигателя. Подошел к грузовику, такому огромному, что даже пар от греющегося двигателя, не мог подняться выше крыши кабины. Это был грузовик Юрика Ласкью, настолько тяжелый, что казалось, своими колесами, он раздвигал бетонный пол ангара Семь-Ноль.

Я хочу быть леталой! Туда! Восемь-Ноль! – сказал Раски, как только увидел Юрика.

Тот, скорее всего, не расслышал, да и занят был другим.

– Я... Х-О-Ч-У БЫ БЫТЬ ЛЕ-ТА-ЛО-Й. – закричал Раски, но его крик, как ему показалось, был не громче звона какой-нибудь гайки, дребезжащей под капотом.

– Чего тебе? – сказал Юрик.

– Я ХА-ЧУ БЫТЬ ЛЕ-ТА-ЛОЙ! НА ... – Раски проглотил слюну, чтобы кричать дальше. – НА ЭТ-ТАМ РИ-Й-СЕ...

– А... – сказал Юрик и отмахнулся, вроде как «да» или «давай».

И чтобы не разрушить волшебство, Раски тут же побежал быстрее к Хью, пока еще у него самого была уверенность.

– Э, Хью! – чуть не выплевывая язык, он добежал до стойки с картами, согнулся, кое-как пытаясь выдохнуть.

– Ну? – Хью поднял на него глаза, по цвету похожие на жидкость, которую оставляют грузовики под крышками: мутная вода с мелкими черными точками.

– Я с этим рейсом. Юрик Ласкью подтвердил.

– Ну!? – глаза не менялись, как будто, Хью не понимал, что это значит для Раски.

– Чего? Ты тоже подтверди. Я должен машину готовить.

– Ну... – в глазах Хью появилось больше острых черных точек, чем воды, – И чего?

– Как это чего!? Давай карту, мне пора! Слышь...

Раски уже почти вытащил пластинку и провернулся, чтобы бежать в дальнюю часть ангара, где стояли машины летал. Но, в последний момент, пластинка не вытянулась, а ноги не провернулись. Правая рука завязла на стойке. А глаза Хью все наполнились крошкой, став совсем черными.

– А ну-ка, ты, стой здесь. Читать умеешь? Во-о! А я умею. Поэтому, здесь и сижу.

Раски знал, что Хью вовсе не поэтому здесь сидит. А потому, что у него не действуют ноги. А еще он очень старый, наверное, старше, чем их ангар. Но, в чем была правда, и правда самая хреновая, так в том, что Раски не умел читать.

Он хотел закричать: Да никто не умеет, кроме тебя, старый безногий урод.

– Тут написано. Я сам написал, так что, ошибки быть не может. – глаза Хью опять стали белесо-мутными. – Рейс в Восемь-Ноль. А это значит!? – Хью наклонил подбородок, от чего, Раски показалось, вся кожа головы у того съехала вниз.

– Но, Юрик!?

– А это значит, что? Да, ты не умеешь читать. А я умею. И я тебе прочту. Так уж и быть: это значит, что только леталы категории «вверх-вниз» могут идти в такой рейс. Ну, компрэне!?

– Чего?

– А я тебе и говорю. Читать ты не умеешь. Так, что лучше учись летать на этой свой штуке. И может быть, когда-нибудь, если не упадешь в хлябь... хе-ха-х... да, прости, это все-таки тяжелая работа, так что... если не упадешь, при следующем порыве всей этой космической грязи, то тогда перейдешь на уровень «вверх-вниз». А пока... – Хью развел рукам, от чего складки на шее и щеках, как будто растянулись.

– Но, Юрик? Он хотел меня взять. Он хотел... – Раски не умел врать, поэтому, отвернулся и показал в сторону дыма, роя черных мушек и самого большого и тяжелого грузовика. Грузовика, от которого, после каждого рейса, отваливалось столько железных пластин, сколько и прибавлялось.

– Ну, если Юрик... то, Юрик...

Раски знал, что с Хью спорить бесполезно, поэтому Хью был там, где он был, на месте диспетчера, хоть может и хотел чего-то большего, как и все они. Впрочем, это не важно, потому что. Потому что...

– Ладно, погоди! – Раски вернулся, уже почти готовый убежать и залечь в тот самый грязный масляный угол, в котором масленщики напиваются до беспамьятства, который он недавно представлял и всей душой ненавидел. – Погоди! Что, если Юрик тебе подтвердит? Ты согласишься!?

– Ну, если Юрик! То, это... конечно, да... соглашусь. Посмотрим.

– ЮР-И-К! ЮР-И-К... – Раски разглядел фигуру Юрика, который, осматривал грузовик после первой части работы масленщиков, закричал, замахал ему. Он знал, что Юрик его не услышит. Но, у него оставалась одна надежда. Всего один взмах рукой. Если только тот произойдет вовремя. Раз и все! И он в деле! Раз и все... – ЮР-И-К! Я ЛЕ-ТА-ЛА... НА ВОС-ЕМ... НА-ОЛЬ... – последней фразы, Раски не выдержал, проглотил слова, задохнулся, закашлялся.

Потом произошло что-то странное. Ему показалось, Юрик на время, вышел из пара, дыма и ошметков масла, появился прямо перед ними.

Через секунду он снова пропал в завесе, но прежде успел сделать взмах рукой, который делал уже несколько раз, как будто, отмахиваясь от чего-то. Но, подтвердив, что Раски может лететь с их рейсом. Их легендарным рейсом Семь-Ноль в Восемь-Ноль, о котором потом будут говорить и сочинять даже самые пьяные масленщики в каждом грязном углу, каждого ангара, каждого бункера, пока хлябь останется хлябью. То есть, до окончания времен.

Юрик Ласкью появился и салютовал «Да, Раски! Ты летишь. Ты будешь леталой Семь-Ноль – Восемь-Ноль».

И потом опять скрылся, в облаках дыма, пара и черных мух сторевшего масла.

– Ну! – теперь Раски не боялся ни мутных глаз с черными мелкими осколками, ни руки, прикрывавшей пластинки.

– Ну... ну и ну! – сказал Хью, и карточка выскользнула из-под его огромной ладони, похожей на грязную тряпку, всю испещренную складками и пятнами.

Когда Раски бежал прочь, позади, он услышал слова Хью, окончание его фразы после «ну-ну»: НУ И ПО-ЖА-Л...

Целиком он не расслышал, поэтому не знал, что это точно значило. «Ну и пожалуйста» или «Ну и пожалеешь». Он не знал, потому, что сам не был уверен. Он боялся, очень боялся. Но боялся как-то по-другому, по сравнению с тем, как боялся встретить этот вечер, смотря на серую стену ангара Семь-Ноль, в окружении масленщиков и их пьяных рассказней, какими бы крутыми водилами они бы были.

***

Поначалу, было даже просто. Раски знал первую часть пути, вдоль Тупой Суки, по дуге, и знал неплохо. И двое водил, которых отобрал сам Юрик, были опытными. И конечно же, тоже знали этот отрезок. А главное, знали меру – когда жать на газ и сколько жать, когда тормозить. А если видели необходимость подправить чью-то ось, они это делали. Спокойно и без глупостей.

И, если бы Раски не знал, что в колонне три грузовика то, смотря вниз, можно было подумать, что это одна большая конструкция, железная и очень тяжелая, делает глубокий рубец в хляби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.